

26 февраля (11 марта)

Священномученик
Сергий Воскресенский

Священномученик Сергей родился 29 июля 1890 года в селе Дьякове* Московского уезда Московской губернии в семье священника Сергия Воскресенского и его супруги Евдокии Сергеевны. Священник Сергей был настоятелем Иоанно-Предтеченской церкви в селе Дьякове. При нем была сооружена церковная ограда, устроена мостовая от храма до моста через реку, построена церковноприходская школа, но открыть ее уже не успели: произошла революция и начались гонения на Русскую Православную Церковь. Сергей был крещен в день своего появления на свет священником храма Казанской иконы Божией Матери Симеоном Наумовым в присутствии диакона Василия Смирнова и псаломщика Иоанна Нарциссова.

В 1907 году Сергей поступил в Перервинское духовное училище, по его окончании – в Московскую Духовную семинарию. Окончив семинарию в 1915 году, он поступил учителем словесности в школу при женском Князе-Владимирском монастыре в Подольском уезде. Обитель была основана в 1890 году при селе Филимонках в живописном, возвышенном месте, среди густого елового леса. В 1916 году Сергей Сергеевич женился на девице Александре, дочери диакона Николая Никольского, служившего в Подольске. В том же году Сергей Сергеевич был рукоположен во диакона и до 1920 года служил в монастыре. В 1920 году скончался его отец, и диакон Сергей был рукоположен во священника ко храму Иоанна Предтечи в селе Дьякове.

В 1918 году власти издали декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», который послужил поводом для закрытия многих храмов и, в частности, храмов в расположенных рядом селах Коломенское и Дьяково.

21 июня 1923 года комиссия под председательством Н.И. Троцкой и в составе П.Д. Барановского и Н.Р. Левинсона составила акт о закрытии храма Иоанна Предтечи и передаче его музейному отделу Главнауки.

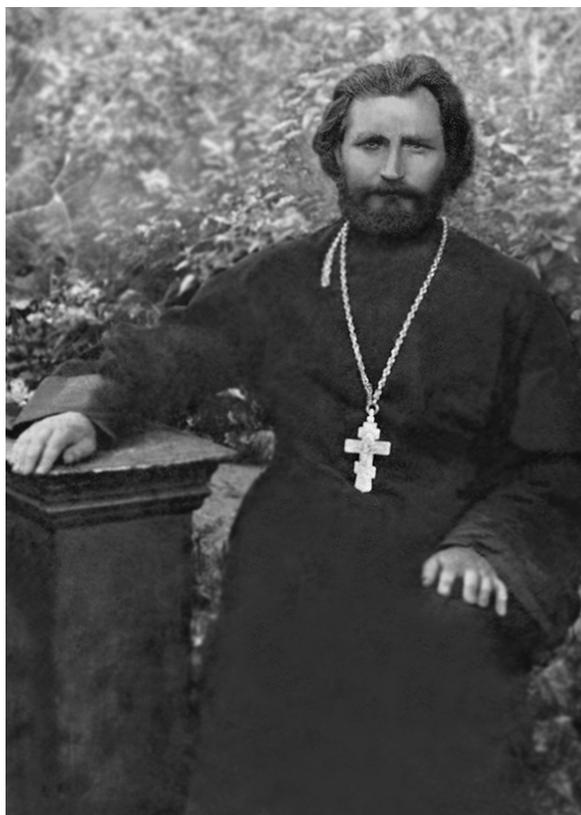
8 декабря 1923 года власти города Москвы постановили отнять храм Иоанна Предтечи у верующих: поскольку, как писали они, «здание церкви является исключительным памятником архитектуры XVI века и реставрируется на государственные средства, предложить Московскому уездному исполнительному комитету договор с общиной верующих расторгнуть и передать церковное здание отделу музеев и охраны памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению».

7 февраля 1924 года местные власти передали храм музейному отделу. 4 марта церковная община отправила властям ходатайство об открытии храма, в котором, в частности, говорилось: «Православный приход, объединенный нашим храмом, включает в себя четыре больших подмосковных селения: Дьяково, слободу Садовую, деревню Беляево и Чертаново... с населением тысяча девятьсот – две тысячи душ... среди нас нет не только неверующих, но даже маловерующих.

---

* Ныне село Коломенское в Москве.

Воспитанные на началах старого деревенского уклада жизни, мы привыкли всю нашу трудовую жизнь, во всех ее этапах, связывать с кругом жизни церковной, подчиняя первую последней, и до конца дней своих мы не изменим этим своим традициям».

Священник Сергей Воскресенский

После закрытия храма Иоанна Предтечи отец Сергей перешел служить в храм Казанской иконы Божией Матери в селе Коломенском. В селе Коломенском действовал тогда еще второй храм во имя великомученика Георгия, но в начале апреля 1929 года администрация музея стала ходатайствовать о закрытии обоих храмов: «В Президиум Моссовета. При проведении культурно-просветительной работы по Музею архитектурных и бытовых памятников в селе Коломенском весьма существенным недочетом является наличие на территории музейной усадьбы двух действующих церквей.

Территория Коломенского привлекает ежегодно все возрастающее количество трудящихся и является одним из наиболее популярных мест массовой экскурсионной работы; помимо обычных пешеходных экскурсий по осмотру музея, здесь устраиваются парходные массовки с музыкой, физкультурой, купанием, организуются игры, танцы и т. п.

При этой постановке разумного отдыха трудящихся, основной целью которого ставится зарядка бодростью и жизнерадостностью, вклинивается большим диссонансом близость церквей с их обрядностью, колокольным звоном, крестными ходами. Особенно мешает в этом отношении Георгиевская церковь, расположенная на центральной площадке усадьбы посреди музейных сооружений.

Ввиду указанного, Главнаука просит о ликвидации отправления религиозного культа в двух церквях села Коломенского: Георгиевской и Казанской».

4 апреля верующие отправили властям заявление об оставлении хотя бы одной Казанской церкви. В результате 10 мая 1929 года Георгиевский храм был закрыт, а верующим оставлен храм Казанской иконы Божией Матери.

Церковный народ любил отца Сергия. Если надо было крестить или идти срочно причащать – он никому не отказывал. Крестьяне в Коломенском были вполне обеспечены, они держали большие сады и зарабатывали тем, что продавали ягоды и фрукты, которые возили на продажу на базар, находившийся тогда на Болотной площади в Москве неподалеку от Кремля. Чтобы прокормить семью, и отец Сергий вместе с крестьянами возил на базар малину, яблоки, вишню.

Однако для властей было ненавистным существование большого благочестивого села вблизи Москвы, крестьяне которого, несмотря на притеснения властей, жили самостоятельно и материально достаточно, и при усилении гонений они решили арестовать тех, кто не шел на сделки с совестью и не соглашался на сотрудничество с ОГПУ. Некоторые из сочувствующих священнику предупреждали его о начале широкомасштабных гонений на Церковь, в результате которых он может быть арестован, и предлагали ему уехать, но отец Сергий отказался.

В ночь с 15 на 16 марта 1932 года сотрудники ОГПУ арестовали священника. Тогда же было арестовано семь крестьян. Первое время их содержали в концентрационном лагере в селе Царицыне рядом с Москвой вместе с сотнями других арестованных. Отца Сергия и крестьян обвиняли в распространении антисоветских слухов, источником которых явился тринадцатилетний мальчик. Он рассказал, что ему однажды пришлось ехать на телеге на базу. Близ Перервы, у местечка, которое называется Иоанн Богослов, ему повстречался неизвестный старик, который попросил подвезти его до Перервы. Сев на телегу, он дорогой предложил мальчику оглянуться назад в сторону Москвы. Обернувшись, тот увидел: по дороге течет кровь, а над Москвой мчится конница. Старик предложил посмотреть в правую сторону. Там была группа работающих крестьян-единоличников. Он посмотрел налево. Здесь стояли колхозники, одетые в похотные на саваны желтые халаты, а впереди них шла толпа с музыкой. Оглянулся кругом мальчик, а старика уже не было. Вызванный на допрос в ОГПУ, мальчик подтвердил все виденное. «Что это был за старик, я совершенно не знаю», – сказал он. «Кто тебя научил распускать подобные слухи?» – спросил следователь. «Никто меня не учил», – ответил подросток.

На следующий день после ареста священника уполномоченный ОГПУ по Московской области Шишкин написал: «Рассмотрев агентурное дело “Теплая компания” антисоветской группировки селения Дьяково, по которому проходит кулацко-зажиточный элемент... который под руководством попа Воскресенского на протяжении 1931 года и последующего времени ведет антисоветскую работу, направленную к срыву мероприятий партии и советской власти в деревне; принимая во внимание, что для ареста и привлечения их к ответственности имеется достаточно материала, постановил: агентурное дело “Теплая компания” ликвидировать путем ареста проходящих по нему граждан».

Допрошенные свидетели показали, что священник «среди верующих говорил, что придет время, когда народ будут хоронить без отпевания, старые

попы умирают, а новых не учат, и проповедовать слово Божие некому. Скоро и у нас под Москвой устроят голодную степь, всех лучших крестьян советская власть раскулачивает, арестовывает, ссылает, работать некому. А за что угоняют? Лишь за то, что они не хотят идти в колхоз. Весь этот гордиев узел, который завязали большевики, может разрубить лишь война. Взяли меня, спрашивали в ОГПУ о моем хозяйстве, могут сказать, что я вел агитацию против советской власти и колхозов. Мне, как священнику, часто приходится ходить с требами как к колхозникам, так и к единоличникам. Конечно, они спрашивают меня: “Как, отец Сергей, ты мыслишь насчет колхозов – вступать или нет?” Что же мне остается отвечать? Конечно, я отвечал так, как представлял себе, и говорил: “Колхоз, как видите вы и я, ничего хорошего не принесет, сейчас мужика согнули в бараний рог, а когда пройдет сплошная коллективизация, то тогда совсем пропало дело”. Ну разве это агитация? Я только высказывал свое мнение». «Поп Сергей Сергеевич Воскресенский родился и вырос в селении Дьяково, где его отец также был попом. Среди верующих пользуется авторитетом. Воскресенский говорил: “Советская власть – это красные помещики, которые притесняют трудовое крестьянство, разоряют и закрывают храмы. Но мы должны со своей стороны не примиряться с этими гонениями, а действовать, как первые христиане”. Воскресенский часто говорил проповеди, в которых призывал крестьян крепиться, говоря: “Наступило тяжелое время для верующих, всюду на нас гонение, нам нужно крепко держаться за Церковь. Наступило последнее время, но Церковь останется непобедимой”. Будучи у меня в доме и увидев у меня разукрашенные портреты Ленина и членов реввоенсовета, выйдя из дома, смеялся надо мной, говоря: “Вместо икон портреты стала украшать”».

Среди других свидетелей был вызван священник Казанской церкви в селе Коломенском Николай Константинович Покровский. «Сергея Сергеевича Воскресенского, – показал он, – знаю с детского возраста. В своей работе мне часто приходилось с ним соприкасаться. Последний, будучи священнослужителем, использовал свое положение для антисоветской работы, обрабатывая в этом направлении и верующих, подбирая из их среды группу единомышленников и через них проводя дальнейшую работу. Воскресенский антисоветскую работу проводил также и при исполнении треб. Так, например, осенью прошлого года я, Воскресенский и крестьянин села Чертаново, который вез нас на похороны, сказал нам: “Смотрите, отец Сергей, было пустое место, а сейчас большое строительство”. На что Воскресенский ответил: “Нет ничего удивительного – работы в Советском Союзе производятся принудительным трудом из-под палки, полуголодным народом”. В момент изоляции кулачества Воскресенский в присутствии верующих, фамилии которых я забыл, говорил: “Получил я письмо от наших узников. Пишут они, что живут плохо, в землянках. Все их имущество пропало в дороге, получили лишь свои топоры и лопаты, а ценности правители взяли себе. Не удалось здесь обобрать – так сделали, что в дороге обобрали до последней рубашки”. Осенью 1931 года при подведении итогов хозяйственного года была устроена выставка работы колхозов. Я, проходя по селу Коломенскому с Воскресенским, попросил у него посмотреть выставку, на что последний ответил: “Что там смотреть? Если бы это была собственность крестьян, тогда другое дело, а то все колхозное, а у крестьянина осталась одна голова собственная и та скоро с плеч долой полетит”».

20 марта следователь Шишкин допросил отца Сергия. На вопросы следователя священник ответил: «Я и другие арестованные со мной колхозники

вели разговор о высланных кулаках, о их семьях, оставленных в районе, о их материальном обеспечении, моральном состоянии. Я до своего ареста в селении Дьякове, служил в Казанской церкви. Сельсовет Дьякова в 1929 году произвел изъятие у меня части имущества – стульев, столов, шкафов и так далее. Часть из них мне была возвращена, часть не возвратили. Я облагался в индивидуальном порядке налогом. По ягодам мне было дано твердое задание, часть моего дома сельсовет использовал под жительство рабочих овощного комбината, вынудив мою семью проживать в тесноте. При реализации займа мне было предложено подписаться на заем в 200 рублей, я предложил 50. В результате я на заем не подписался. Все это вызывало во мне недовольство советской властью и ее представителями на местах – сельсоветом. Сдавая ягоды советской власти по твердым ценам, я был лишен возможности получить за сданную продукцию хлеб и промтовары, так как продукты питания приходилось покупать на рынке, платя за них по рыночным ценам. Поселив в моем доме рабочих, принудили меня с семьей ютиться на площади, не удовлетворяющей мою семью. Но, несмотря на все это, я со своей стороны имеющееся у меня недовольство окружающим не передавал и агитацией не занимался. Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю».

26 марта 1932 года следствие было закончено. В обвинительном заключении следователь написал: «Село Дьяково в прошлом, как до, так и после революции, являлось кулацким селом, имевшим прямые связи в торговой деятельности с московскими рынками. Это село в прошлом выбрасывало на московские рынки огромное количество овощной и ягодной продукции, и вместе с этим зажиточная часть этого села занималась скупкой товаров в окружающих селениях района, а также завозом из других районов для переработки и последующей реализации на московских рынках.

В период проведения мероприятий партии и советской власти в части колхозного строительства деревни село Дьяково под влиянием кулацко-зажиточной прослойки села оказалось в стороне от колхозной жизни, за исключением некоторой бедняцко-батрацкой части села, которая к организации колхоза приступила в конце 1929 года, организовав колхоз из нескольких хозяйств. В последующее время колхоз разрастался за счет бедняцко-средняцких масс и кулачества, и уже в 1930 году село Дьяково было коллективизировано на 90%. Однако в него с целью разложения и скрытия своей кулацкой физиономии вошли в подавляющем большинстве элементы кулачества.

В результате полной засоренности дьяковского колхоза кулацко-зажиточным элементом, благодаря антиколхозной деятельности его, разложения, явного срыва колхозных мероприятий колхоз распался, и в нем оказалось только 17 бедняцко-средняцких хозяйств (из числа имевшихся 186 хозяйств).

В период перевыборов сельсоветов в 1931 году село Дьяково подвергалось неоднократному переизбранию совета, вследствие того, что кулацко-зажиточный элемент всячески старался ввести и поставить у руководства “своих людей”, внося дезорганизацию в систему перевыборов, наряду с этим усиленно выступая против кандидатур бедняков-колхозников и коммунистов.

В данное время село коллективизировано на 24%. Планы заготовок селом не выполнены. По поступившим в Ленинское райотделение сведениям, группа из кулацко-зажиточного элемента под руководством местного попа Воскресенского

вела антисоветскую агитацию, направленную к срыву мероприятий партии и советской власти, с использованием религиозных предрассудков масс.

Руководитель антисоветской группировки обвиняемый Воскресенский, являясь служителем культа и будучи авторитетным среди верующих, обходя их, внушал им, что организация колхозов убьет религию и религиозные чувства верующих.

Как один из методов борьбы с мероприятиями советской власти в деревне обвиняемые по делу с целью дискредитации советской власти распространяли слухи о гибели советской власти и нелепые провокационные слухи о том, что один из колхозников села Дьякова якобы видел видение, заключающееся в том, что он при возвращении из Москвы в село на дороге встретил старца, который предложил ему посмотреть назад, в правую и левую стороны, и когда он посмотрел, то сзади увидел армию и кровь, слева – замученных и оборванных колхозников, а справа – единоличников в хороших костюмах, сытых и жизнерадостных».

6 апреля обвиняемых перевезли в Бутырскую тюрьму в Москве. 4 августа 1932 года тройка ОГПУ приговорила отца Сергия к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Он был заключен в лагерь на Беломорско-Балтийском канале вблизи станции Медвежья Гора. В начале марта следующего года отца Сергия посадили в камеру с уголовниками. Они сняли с него полушубок, затем остальную одежду и выставили на мороз, который в то время был весьма жесток. Не перенеся издевательств, священник Сергей Воскресенский скончался 11 марта 1933 года и был погребен в неизвестной могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Февраль». Тверь. 2005. С. 428-436

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002. С. 65-75.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Январь-Май. Тверь, 2002. / Составитель жития игумен Дамаскин (Орловский). С. 156-163.